

СОЦИОЛОГИЯ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА: ДИАЛЕКТИКА АНТИНОМИЙ

© 2013 г. Вячеслав Николаевич Жуков¹

Краткая аннотация: в статье рассматриваются методологические основы социологического анализа истории государства и права. Проводится исследование таких фундаментальных категорий социологии права, как уникальность и закономерность, рациональное и иррациональное, линейность и цикличность, прогресс и регресс.

Annotation: in the article considers the methodological bases of the sociological analysis of the history of state and law. Conducted a study of such fundamental categories of the sociology of law, as uniqueness and regularity, the rational and the irrational, linearity, and recurrence, progress and setbacks.

Ключевые слова: социология права, история государства и права, прогресс государства и права, регресс государства и права, линейность истории, цикличность истории, рациональное, иррациональное.

Key words: sociology of law, history of state and law, the progress of the state and law, regression of state and law, the linearity of the history of the cyclicity of history, rational, irrational.

История как категория социологии права

Социология – наука, направленная на обработку эмпирического материала и ставящая своей целью выявление законов, действующих в обществе и его институтах. Предметом внимания социологии выступают, конечно, современные общества, но “главный фактический материал, – убежден классик русской социологической мысли Н.И. Кареев, – социолог будет всегда получать из изучения прошлого”. “Само исследование современных социальных явлений, – утверждает он, – может дать настоящие плоды под условием изучения не только взаимной связи между этими явлениями, но и породивших их причин в прошлом, равно как и тех следствий, которые должны обнаружиться лишь тогда, когда сами эти явления сделаются фактами прошлого. С другой стороны, многие факты современности получают надлежащее освещение лишь тогда, когда к объяснению их мы привлекаем аналогичные факты, наблюдавшиеся в прошлом, или когда знаем генезис объясняемых нами фактов. Наконец, то, что мы называем современностью, так сказать, с каждою новою минутою само делается прошлым, т.е. становится достоянием истории. Но самое важное – это то, что в летописях исторической науки мы имеем такое громадное количество социологического материала, какого нам не дает и

дать не может непосредственное наблюдение над окружающей нас действительностью”².

С самого начала своего профессионального становления в XIX в. социология была тесно связана с историей. Совсем не случайно у А. Сен-Симона и О. Конта важной составляющей их систем становится теория трех стадий развития человечества. Поиск ими закономерностей не мог ограничиться современным обществом, они нуждались в опоре на фактический материал европейской и мировой истории. Более того, как верно замечает П. Штомпка, европейская социология XIX в. возникает в ответ на попытку объяснить великий переход от традиционного общества к современному³. Трансформация европейских обществ от феодализма к капитализму, от натурального хозяйства к промышленному производству, от сословного строя и обычного права к демократии и буржуазной юстиции требовала своего осмысления и новых теоретико-методологических подходов.

В XIX в. наблюдается интенсивная дифференциация гуманитарных дисциплин, в качестве самостоятельных отраслей знания оформляются история и философия истории, где требовались обобщение исторического знания и выявление возможных законов общественного развития. Социология, образно говоря, нашла свое место между этими двумя дисциплинами, стремясь уйти от конкретики и описательности истории,

¹ Профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор философских наук (E-mail: pifagor2002@mail.ru).

² Кареев Н.И. Введение в изучение социологии. СПб., 2008. С. 74, 75.

³ См.: Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996. С. 255.

с одной стороны, и высоких абстракций философии истории – с другой. Особенность ранней социологической мысли (О. Конт, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм, Ф. Тённис) состояла в том, что она пыталась строить глобальные эволюционные схемы, слабо связанные с историческими фактами. История часто рассматривалась как механистический, фаталистический процесс, прогрессивно развивающийся и не знающий отклонений от магистрального пути. Именно на этом фоне возникали разнообразные общественные идеалы, утопии, создавалась традиция социального прожектёрства. Подлинно исторический подход (с известными оговорками) продемонстрировали К. Маркс и М. Вебер, включив в научный оборот богатейший материал европейской и мировой истории.

Две мировые войны и тоталитарные режимы в Европе вызвали волну критики против гуманитарных наук (философии истории, социальной философии, социологии), ставивших своей целью отыскать закономерности в истории. Главной мишенью здесь стал марксизм, подчинивший своему влиянию половину мира. Исторический подход в обществоведении (в том числе в социологии) был назван историцизмом, под которым понималось слепое преклонение перед законами истории, вера в их незыблемость, убежденность в фатальном исходе исторических событий.

На передовом рубеже этой критики находился К. Поппер, провозгласивший релятивизм всякого научного знания. Он предложил считать любое знание результатом договоренности научного сообщества, а историю рассматривать как итог случайных и разнообразных условий, заранее непредвиденных. Человеческая история, полагал он, уникальна, в ней господствуют случайность, иррациональность, что делает ее непредсказуемой. Универсальных законов эволюции нет, эволюция обществ есть уникальный исторический случай, не имеющий аналогов. Вера в историческое предназначение есть простое суеверие. Курс человеческой истории нельзя предсказать ни научными, ни какими-либо другими рациональными способами. “Социальная инженерия”, т.е. попытка использовать знания необходимых тенденций для формирования социальных институтов, иррациональна, утопична и обречена на неудачу. Историцизм приводит к фатализму, пассивности, способствует установлению тоталитарных режимов. И наконец, историцизм пагубно повлиял на социологию, сделав из нее социальный миф⁴.

⁴ См.: там же. С. 231–233.

Если в Европе социология изначально рождалась в тесной связи с историей, то в США такой связи поначалу не было. Здесь социология возникла в обществе, бедном историческими традициями, и была направлена на изучение структуры и функционирования американского общества (очень пестрого по своему составу). Американская социология была подчинена решению конкретных научных проблем, привлечение материала всемирной истории не входило в ее задачи⁵.

Несмотря на критику, социологи Запада и после Второй мировой войны продолжали использовать исторический подход, а интерес к истории постепенно усиливался. Своеобразным итогом данного процесса стало формирование исторической социологии – влиятельного направления, в рамках которого выделяют три взаимосвязанных подхода.

Первый – касается социологических концепций, разрабатываемых для описания и анализа исторических данных, а также для решения проблем в том случае, когда нужен более высокий уровень обобщений, чем обычно применяют историки, т.е. при необходимости выявления социальных закономерностей с помощью социологического анализа исторического развития (Ф. Знанецкий, У.А. Томас, Е.Б. Бальтцель, Р. Хеберле, В. Канман и др.). Для второго – характерно использование исторических данных для иллюстрации или проверки тех или иных социологических концепций, а также в целях построения других модифицированных теорий (Беккер, Барнз, Уоллерстайн, А. Бесков и др.). Согласно третьему подходу (Х. Мариампольски, Д.С. Хаджес) историческая социология представляет собой не столько теорию, сколько комплекс методов анализа исторического развития общества.

На сегодняшний день на Западе не существует общей теории исторической социологии, и многие авторы предпочитают использовать сразу несколько теорий, рассчитывая тем самым обеспечить объективность исследований. Определенное распространение в исторической социологии имеют в настоящее время циклические теории (“конфликтный цикл” Зиммеля, “экологическое преемствование” Парка, “цикл расовых отношений” Богардуса и др.). Начиная с 60-х годов западные социологи все чаще обращаются к теории Маркса, истолкованной, как правило, в духе неомарксизма, пытаясь использовать отдельные ее положения для обоснования своих социолого-исторических концепций. В современной западной

⁵ См.: там же. С. 257, 258.

исторической социологии важное место занимают прикладные социолого-исторические исследования, результаты которых часто используются в процессе принятия политических решений (работы Г. Беста, В. фон Гиппеля, Х. Матцерата, Г.-У. Вейлера, В. Цапфа, Д. Гримма – в ФРГ, Д. Аптера, А. Гершенкрона, С.П. Хантингтона и др. – в США)⁶.

Поскольку история является предметом социологии, социологический срез истории государства и права – важная составляющая социологии права. Социологический анализ политико-правовых институтов без их включенности в широкий исторический контекст всегда будет неполным.

Характерная черта общественной жизни, человеческой истории – противоречивость, антиномизм, т.е. наличие двух взаимоисключающих явлений, одновременно связанных между собой органическим единством. История государства и права – часть истории человечества, а значит, на нее в полной мере распространяются все антиномии человеческого бытия. На первый взгляд способ рассмотрения истории через призму антиномий как череды диалектических противоречий ближе к философии, чем к социологии. Но это не так. Социология права, если она претендует на статус строгой науки, обязана фиксировать всю противоречивость динамических свойств политико-правовых институтов. Функциональная и структурная взаимосвязанность не только не исключает, но, напротив, предполагает их скачкообразное, часто болезненное и патологическое развитие. Старое и новое, здоровое и больное, прогрессивное и регрессивное, рациональное и иррациональное парадоксальным образом уживаются в единой ткани государства и права.

Весь этот комплекс поразительных сочетаний необходимо исследовать.

Закономерность и уникальность

Трудно спорить с тем, что социология права – строгая наука, стремящаяся к выявлению законов в процессе происхождения, развития и функционирования государства и права. Вместе с тем следует отдавать себе отчет в том, о каких законах идет речь и на каком пространственно-временном отрезке они действуют. Вопрос следует поставить даже шире: в каком смысле социология права является наукой и каковы ее эвристические возможности? Только решив данные вопросы, можно будет с большей или меньшей степенью

уверенности говорить об объективных свойствах государства и права.

С полной уверенностью можно утверждать, что окончательное становление теории науки связано с именем И. Канта. Его “Критика чистого разума” поставила научное познание на прочную основу агностицизма, разделив предмет познания на феномены и ноумены. Было четко и точно сказано, что у человеческого познания есть свой предел, определяемый спецификой самого мышления. Одна из главных идей звучала так: наше представление о мире есть не столько отражение его объективных свойств, сколько форма человеческого мышления. Например, пространство и время – это не объективные свойства материи, а априорные формы рассудка.

Гносеология Канта получила свое развитие в различных направлениях неокантианства, оказавших громадное влияние на формирование европейской гуманитарной науки. Особую роль сыграла Баденская школа во главе с Г. Риккертом и В. Виндельбаном, которые во многом определили методологические основы немецкой социологии второй половины XIX – первой трети XX в. (М. Вебер, А. Вебер, Г. Зиммель, В. Зомбарт, К. Манхейм).

Один из классиков немецкой социологии Г. Зиммель так высказался о кантианской гносеологии: заслуга Канта состоит в том, что он освободил личность от власти природы и истории (историцизма). Поскольку личность продуцирует природу как свои представления и общие законы природы как формы нашего духа, бытие природы подчинено нашему суверенному “Я”. То же должно стать с историей, которую следует подчинить свободному человеческому духу. Иными словами, не история должна навязывать свое представление личности, тем самым сковывая ее, а сама личность должна формировать наше знание об истории. “Познаваемого человека творят природа и история, но познающий человек творит природу и историю”⁷. Выспренность риторики и велеречивые восклицания о свободе не должны смущать, так как суть мысли абсолютно верна: научное познание и знание есть проявления человеческой субъективности, представляющие собой форму мышления субъекта, задаваемую особенностями человеческого сознания.

Основоположники Баденской школы неокантианства различают науки о природе и науки о культуре. Первые имеют дело с миром, где гос-

⁶ См.: Историческая социология // Современная западная социология. Словарь. М., 1990. С. 124.

⁷ Зиммель Г. Избранное. Т. 1. Философия культуры. М., 1996. С. 530, 531.

подствуют каузальность, закономерность, повторяемость, вторые исследуют сферу человеческого духа, уникальной по своей природе, проявляющей себя в ценностных установках и основанной на них культуре. Научное познание использует два основных метода: генерализирующий (номотетический) и индивидуализирующий (идиографический)⁸. При исследовании природы главную роль играет генерализирующий метод, при изучении культуры – индивидуализирующий.

Суть номотетического метода состоит в том, что под класс явлений подводится некий общий знаменатель, имеющий характер закона. Номотетический метод применим только там, где есть повторяемость, где явления включены в некую закономерность. Идиографический метод, напротив, призван установить и описать объект как единичный, уникальный, неповторимый. Идиографический метод, подчеркивает Риккерт, также является научным, так как использует средства логики: подводит явление под общезначимую ценность, выявляет причинно-следственные связи внутри изучаемого явления. Вместе с тем генерализирующие науки более или менее близко стоят к абсолютной истине, идиографические – не находятся ни в каком отношении к абсолютной истине, так как руководящие принципы их образования являются исключительно фактическими оценками, сменяющимися друг друга, как волны в море. Различных исторических истин столько же, сколько существует культурных кругов (научная среда, принимающая единую систему ценностей).

За рассуждениями о методах фактически стоял вопрос о существовании социальных отношений. Было заявлено, что социальная материя принципиально отличается от природной, что мир природы строится на каузальности и повторяемости, мир культуры – на свободе воли и ценностях. Такой подход предполагал полное отрицание повторяемости, законов в истории, а сама всемирная история объявлялась фикцией (так как невозможно подвести единые ценности под все человечество). То, что обычно называют законом истории, есть, утверждали неокантианцы, обычная формализованная ценность. Говорить об истории имело смысл только применительно к какой-то социальной общности, имеющей единые ценности. В данном случае речь шла, как правило, о народе, имевшем свой мир ценностей, свою уникальную культуру.

Более того, сама природа также объявлялась уникальным явлением, если рассматривать ее как единое целое. Если взять планету Земля, Солнечную систему, галактику или Вселенную как отдельный организм, то все это – уникальные объекты. Закономерности внутри этих объектов, конечно, есть, но они локальны и не способны повлиять на их единичность и уникальность. Такая же логика распространяется и на общественные явления: локальные закономерности там есть (их исследуют номотетические науки), но они действуют внутри замкнутого, локального, единичного социума (его изучение – дело идиографических наук).

Согласно логике Г. Риккерта и В. Виндельбанда общество имеет две составляющие – природную и культурную. Общество как часть природы подчинено законам каузальности, в обществе как мире культуры господствуют нормы должного, ценности. Природные проявления общества изучают генерализирующие науки, сферу культуры – индивидуализирующие. К индивидуализирующим наукам Г. Риккерт прежде всего относил философию и философию истории, к генерализирующим – антропологию, психологию, социологию и ряд других. История занимала промежуточное положение: если обнаруживалось тяготение к эмпирике с попыткой вывести из нее социальные законы, то здесь она ближе была к социологии, если было больше философских обобщений, то это уже напоминало философию истории.

При всех своих достоинствах данная классификация остается очень условной, так как невозможно провести четкую границу между природной и культурной компонентами общества, а значит, между науками о природе и науками о культуре. Так, М. Вебер, ученик Г. Риккерта, считал генерализирующий метод главным для социологии, а индивидуализирующий – вспомогательным. Однако тексты М. Вебера говорят, как минимум, о равноправии у него этих двух методов, а сама его историческая социология зачастую напоминает типичную философию истории.

После короткого историко-теоретического экскурса подведем итоги и постараемся ответить на поставленные выше вопросы.

Во-первых, следует согласиться с Г. Риккертом и В. Виндельбандом в том, что история не знает никакой повторяемости, а значит, не имеет неких всеобщих законов. История никогда и нигде не повторилась дважды. Здесь важно не путать всеобщие законы с причинно-следственной зависимостью фактов истории, которые применительно к конкретному отрезку истории всегда единичны.

⁸ *Номотетический* – от греч. *nomos-teteo* – издавать, устанавливать законы; *идиографический* – от греч. *idios* – особенный, своеобразный и *grapho* – пишу.

Например, можно и нужно изучать историю тоталитарных режимов на предмет выявления тех условий и причин, которые привели к их возникновению. Причинно-следственная зависимость здесь есть, и гуманитарные науки призваны их установить. Однако следует четко понимать, что, например, совокупность условий, приведшая к рождению национал-социализма в Германии, уникальна и никогда больше не повторится. В другой стране фашизм может возникнуть при наличии своего строго единичного комплекса условий. Повторяемости здесь нет, есть аналогия, схожесть ситуаций, не более того.

Если так называемая всеобщая история не знает закономерностей, если история каждого народа уникальна, имеет свой собственный путь развития, то, соответственно, нет никаких всеобщих законов в истории государства и права. Государство и право отдельно взятой страны неповторимы, уникальны. Происхождение, развитие, функционирование и гибель какого-нибудь конкретного государства могут рассматриваться только как единичный факт. Конечно, масса государств возникали и гибли в результате войны, что, кажется, указывает на некий закон, но при этом в каждом случае была своя неповторимая ситуация. Известная в конституционном праве классификация форм государства также очень относительна и условна, так как особенности конкретного государства ломают любую классификацию. Например, республики современной Африки и стран Запада объединяет только название, во всем остальном больше различий.

Во-вторых, кантианцы, разделив действительность на мир сущего и мир должного, верно указали на иррациональный остаток общественной жизни. Изучая животную жизнь общества, социолог выступает в роли своеобразного натуралиста. Поскольку у людей есть одинаковые материальные потребности, физиологические реакции и инстинкты, то вполне правомерно моделировать типовые ситуации с предсказуемым алгоритмом индивидуального и массового поведения. Так, в условиях полного военного окружения войска, как правило, предпочитают сдаваться, но не погибать (хотя даже и во имя высокой патриотической идеи). Массовое поведение убеждает, что страх смерти сильнее патриотизма. Или другой пример – преступность, которая представляет собой массовое, не изживаемое явление. Животные, естественные реакции среднего индивида таковы, что при ослаблении или тем более устранении норм и санкций он обязательно встает на путь преступления. Это – своего рода закон. Общество

понимает такую зависимость, и потому появляется уголовное законодательство.

Вместе с тем общество – это не только физиологические реакции, но также область духовности, ценностей и идей. Свобода воли человека очень слабо связана с материальными условиями его жизни, его физиологическими реакциями. Свобода воли принципиально не поддается прогнозированию, что и делает социальное развитие непредсказуемым, а историю государства и права каждого народа уникальной. Даже социолог натуралистического направления, считающий себя “социальным натуралистом”, не может, не попирая здравого смысла, отрицать данный иррациональный остаток. В теоретико-методологическом отношении это значит, что открываемые им социальные зависимости имеют не всеобщий, а локальный характер и подчинены стихии иррационального. Все это объективно снижает эвристический потенциал социологической науки.

В-третьих, неокантианцы Баденской школы верно отметили конвенциональный характер гуманитарного знания. Хотя сам Г. Риккерт относил социологию к генерализирующим наукам, теоретическая социология (в том числе социология права) – наука во многом индивидуализирующая. Социология права, как она представлена, например, в текстах Е. Эрлиха, Л.И. Петражицкого, С.А. Муромцева или Г. Гурвича, содержит огромное количество ценностных суждений о государстве и праве, что придает данной науке относительный, вероятностный характер. Именно по этой причине многие положения социологии права часто отвергаются сторонниками естественно-правовой школы.

Таким образом, договорный характер социологии права делает относительными все рассуждения о так называемых закономерностях происхождения, развития и функционирования государства и права.

Рациональное и иррациональное

Рациональное и иррациональное, рационализм и иррационализм, рациональность и иррациональность – все эти категории, сформировавшиеся в лоне теологии и философии, могут показаться не вполне уместными применительно к социологии права. Ведь социология – строгая наука, где, как представляется, нет места ничему иррациональному, т.е. находящемуся за пределами разума, недоступному для рационального познания. Тем не менее с самого начала своего возникновения социология принимала в расчет факторы, недоступные человеческому мышле-

нию. Так, социологи-позитивисты первой волны принципиально отказались от поиска сути вещей, сосредоточив свой исследовательский интерес на их внешнем проявлении. Социолог ставил перед собой задачу выявить механизм происхождения и функционирования явления, его структуру, но никак не его сущность. Для социолога была (и продолжает оставаться) вполне приемлемой методологическая установка, согласно которой научное познание не исключает признания сферы иррационального (Бога, первичного хаоса, жизненной силы и т.п.). Иррациональное, полагал социолог-позитивист, существует, оказывает влияние на социальные процессы, что требует специального исследования.

Такой методологический подход продемонстрировал, в частности, М. Вебер, предложив классификацию “идеальных” типов социального действия: 1) целерациональное; 2) ценностно-рациональное; 3) традиционное; 4) аффективное. *Целерациональное* действие характеризуется ясностью и однозначностью осознания действующим субъектом своей цели, соотносенной с рационально осмысленными средствами, обеспечивающими ее достижение. Человек или социальная группа выстраивают свое поведение, опираясь на логику, диктуемую объективными условиями жизни. Цель и стремление ее достигнуть – следствие доводов разума, вырастающих на почве фактов. *Ценностно-рациональное* действие основано на вере в самодостаточность ценности (религиозной, этической, эстетической и др.). В данном случае поведение строится не столько на доводах разума, сколько на вере в авторитет ценностей. “Ценностная рациональность”, абсолютизируя ценность и в этом смысле уходя от реальности, содержит в себе нечто иррациональное. *Традиционное* действие формируется на основе подражания тем или иным образцам поведения, закрепленным в культуре и не подлежащим рациональной критике. Данный тип поведения отличается автоматизмом, стремлением ориентироваться на привычное и повторяющееся, существенным снижением творческого отношения к жизни. *Аффективное* действие полностью подчинено эмоциям субъекта и дальше всего расположено от рационального осмысления действительности.

Как видим, из четырех возможных типов человеческого поведения только один непосредственно основан на разуме, остальные – на нечто иррациональном. Фактически М. Вебер констатирует, что большинство человеческих поступков имеют иррациональную природу. Конечно, если индивиды и человеческие коллективы (большие

и малые) руководствуются в своих действиях по большей части не разумом, а верой, авторитетом или страстями, это совсем не значит, что социологическая наука должна расписаться в своем бессилии и отказаться от изучения социальных феноменов. Наука может и обязана изучать механизм человеческого поведения, но его иррациональная природа будет для нее недоступна.

История государства и права убедительно демонстрирует, что происхождение, развитие и функционирование данных институтов обусловлены одновременно рациональными и иррациональными факторами, их причудливым взаимодействием.

Рациональный ход истории лучше других показали Гегель, К. Маркс и М. Вебер.

Философия Гегеля стала одной из вершин рационалистической европейской мысли Нового времени. Традиция рационализма воплотилась в идее мирового разума, который, разворачиваясь во всемирной истории, проходит ряд стадий по пути все более полного его развития. Несмотря на хаотичные, противоречивые интересы отдельных индивидов и народов, мировой разум формирует некую единую логику истории, подчиняя ей все человечество. На стадии объективного духа мировой разум материализуется в государстве и праве. Стержнем данного процесса является саморазвитие идеи свободы, имеющей три фазы: восточный мир (свобода принадлежит одному), греко-римский мир (свобода некоторых), германский мир (свобода всех). Иными словами, свобода, по Гегелю, – требование разума, а государство и право – институты, где идея разума, свободы, т.е. в конечном счете человеческой рациональности, проявляет себя в высшей степени. Если в гражданском обществе господствуют стихия материального интереса, животные качества человека, то государство являет собой образец высшей духовности, подчиняющий эгоизм индивидов разуму нации. Прогресс истории, по Гегелю, и состоит в том, что разумное, рациональное вытесняет из жизни общества иррациональное. Практически речь шла об усилении роли государства и права как разумных началах человеческого бытия.

Апофеозом рационализма выглядит доктрина К. Маркса, который представил ход истории как борьбу угнетенных масс за свои права, как движение человечества к коммунизму. В марксизме пролетариат выступает субъектом социального реформаторства, способного на основе принципов научного социализма построить бесклассовое общество, лишенное антагонистических противоречий. Государство упраздняется, так как

появляется человек нового, высшего типа, моральные и интеллектуальные качества которого позволяют перейти к самоуправлению. Базовые положения марксизма просто пропитаны верой в возможности человека рационально организовать свою жизнь. К. Маркс убежден в неизбежном радикальном изменении сознания людей в сторону все большей его рационализации.

Одна из целей исторической социологии М. Вебера – показать роль буржуазии в создании общества тотальной рационализации: в области экономики, политики, права, быта, идеологии и, конечно же, религии. Оставляя за скобками вопрос о существовании Бога, немецкий социолог констатировал связь между протестантской хозяйственной этикой и образом жизни европейцев. Блага западной цивилизации – результат способности европейцев к рациональному осмыслению действительности. Углубление рациональности – главный вектор развития Запада, что, однако, влечет за собой утрату индивидуальной свободы.

Действительно, рациональное отношение к миру – существенная черта человека. Организация производства, быта, властных и семейных отношений, наличие морали, обычаев, права – все это говорит о том, что люди, творчески перерабатывая и накапливая знания о мире, стремятся сделать этот мир более удобным для себя, “очеловечить” его. Прав Гегель, утверждая, что государство и право есть проявления разумности человека. Длительность существования, наращивание прочности и эффективности данных институтов доказывают их согласованность с некими фундаментальными законами жизни, открытыми разумом. Прав К. Маркс в том, что людям свойственна целеполагающая деятельность, в результате которой меняется ход истории. Люди приходят к пониманию своей активной роли в формировании общественных отношений и уже целенаправленно осуществляют свою деятельность. Прав М. Вебер в том, что социальный порядок, построенный западноевропейским буржуа, пронизан индивидуализмом и рационализмом. Рыночная экономика приносит больше прибыли, чем феодальная; правовое государства делает жизнь человека более безопасной, а их права – гарантированными; светское общество дает личности больше возможностей для удовлетворения своих потребностей. И все это – благодаря разуму.

Вместе с тем не следует переоценивать роль разума в жизнедеятельности человеческих коллективов и создаваемых ими политико-правовых институтов. Религиозные чувства и инстинкты определяют поведение людей, возможно, даже в

большей степени, о чем красноречиво свидетельствуют различные философские учения, обосновывающие иррациональную природу мира и человека. Так, например, многие великие философы пришли к выводу, что в основании бытия лежит жизнь – универсальная, всеобъемлющая и иррациональная субстанция. Одни авторы, давая биолого-натуралистическое толкование категории “жизнь”, понимают ее как “волю” (А. Шопенгауэр) или “волю к власти” (Ф. Ницше). Для других (В. Дильтей, О. Шпенглер, Г. Зиммель, Х. Ортега-и-Гассет) жизнь есть основание культур различных народов. Третьи (А. Бергсон) видят в жизни некую космическую силу, воспроизводящую саму себя и творящую новые формы.

Оставляя в стороне метафизические тонкости, вполне уверенно можно утверждать, что современная наука в состоянии установить лишь механизм зарождения и функционирования разных форм жизни, но первоисточник жизни для нее – пока неразгаданная тайна. Причина появления растительного и животного мира, человека – на сегодняшний день иррациональная “вещь в себе”.

Если жизнь в своей основе глубоко иррациональна, то почему такие ее проявления, как государство и право должны относиться только к сфере рационального? Уникальность человеческой истории (истории государства и права) прежде всего обусловлена тем, что она определяется не только географическими и экономическими факторами, но в значительной мере – человеческой волей, иррациональной по своей природе. Это очень хорошо понимали народники (П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский), отстаивая свой субъективный метод в социологии. Историю творят, утверждали они, активное меньшинство, критически мыслящие личности. Они своей волей способны определять ход событий, изменять направление истории. И действительно, чем в свое время были бы Франция без Наполеона, Германия – без нацистов во главе с Гитлером, а Россия – без большевиков во главе с В.И. Лениным, Л.Д. Троцким и И.В. Сталиным. Историю творит иррациональная человеческая воля (индивидуальная и массовая), создавая ранее не бывалые, порой причудливые политико-правовые комбинации.

Аристотель и Гегель высказывались в том духе, что идея государства предшествует самому государству, а возникает оно у тех народов, сознание которых уже изначально содержит эту идею. Фактически они разделили народы на государственные (способные создать государство) и негосударственные (неспособные к этому).

Трудно спорить с тем, что ментальные особенности народов существенным образом влияют на становление у них государственности, но это совсем не значит, что в основе политико-правовых институтов лежит сознание, некое рациональное начало. Тезис о первичности идеи в деле государственного строительства – умозрительный и требует доказательств, найти которые непросто.

Не менее весомой выглядит аргументация русского консерватора И.Л. Солоневича, для которого подлинная причина всякой государственности – государственный инстинкт народа. Все нации, доказывает он, стремятся создать свою культуру, государственность и, наконец, империю (сильное государство, активно влияющее на формирование международных отношений и ход мировой истории). Если нации этого не делают, то не потому, что не хотят, а потому, что не могут. Нация – единый биологический организм, “сверхиндивидуальное целое”, развивающееся по законам отдельного человека. Если индивид, подчиняясь инстинктам продолжения рода, создает семью и накапливает ценности для своего потомства, то и нация поступает таким же образом. Инстинкты в нации могут ослабляться и усиливаться. В первом случае народ оказывается на краю гибели и заканчивает свою историю, во втором – он копит силы и территорию для не родившихся еще поколений. Сходную мысль высказывал Л.Н. Гумилев: каждый народ, проходя цикл своей истории, в определенный период достигает высшей точки развития (“пассионарности”), после чего его энергетическая сила постепенно начинает угасать.

Связь между жизненной силой народа и его возможностями в деле государственного строительства отрицать невозможно, но доказать трудно. Возьмем, например, феномен войны, когда напряжение государства достигает предела, а народ проверяется на прочность, жизнеспособность. Историк, социолог или экономист, как правило, находят вполне рациональное объяснение тем или иным войнам, поражению или победе в них различных государств. Вместе с тем война – явление глубоко иррациональное, так как во многом связана с волей, инстинктами и коллективным бессознательным масс. Война несет с собой смерть, война – это гибель на фронтах сотен тысяч и миллионов людей. Нет ничего противоестественнее для человека, чем смерть. И, тем не менее, любое более или менее нормальное государство (а с ним и общество) целенаправленно готовится к войне (наступательной или оборонительной), т.е. планирует гибель больших масс людей. Как верно заметил Н.А. Бердяев, умирать на поле бра-

ни можно, только отключив индивидуальное сознание и приобщившись к сознанию массовому, родовому. Для индивидуального сознания смерть (даже на фронте) – неразрешимая болезненная антиномия, ничем не компенсируемая личная катастрофа. Только ощущение себя частью рода, частью коллектива, который будет продолжать жить, примиряет человека с возможностью своей гибели. Государство и общество, рационально, целенаправленно готовясь к войне и будущим массовым жертвам, инстинктивно, на бессознательном уровне апеллируют к феномену жизни как главному условию бытия нации. Инстинкт жизни, инстинкт самосохранения заставляет народ жертвовать частью своего населения. Рационального здесь мало, преобладает иррациональное.

В психоанализе есть категория “рационализация”, под которой понимается механизм психологической защиты, стремление рационально объяснить иррациональные, бессознательные влечения и поступки. Идеология патриотизма – один из примеров такой рационализации. Инстинкт жизни, проявляющий себя, в частности, в стремлении нации обеспечить свои материальные интересы, реализовать территориальную и властную экспансию, рождает вполне респектабельную идеологию патриотизма. В истории были случаи (например, Третий рейх), когда нация не стеснялась открыто заявлять о своих эгоистических интересах, но чаще эти интересы все-таки вуалировались, им придавался приличный вид. Что значило быть патриотом Англии, Испании или России где-нибудь в XVII, XVIII или XIX столетиях? Это означало прямо участвовать или поддерживать территориальную экспансию со стороны своего государства. Как справедливо отметил К.Г. Юнг (автор идеи о коллективном бессознательном), идеология и политика государства не могут стоять выше эгоистических интересов основных масс населения. “Высокая” идеология патриотизма практически всегда вырастает из эгоистических, корыстных интересов рода, племени, нации. Представления Гегеля о высшем этическом назначении государства, вносящего смысл в жизнь общества и отдельных индивидов, есть не что иное, как рационализация грубых инстинктов масс.

Право также одновременно относится сразу к двум сферам – рациональной и иррациональной. И древнее, и особенно современное право явно демонстрируют целенаправленную деятельность общества по регламентации своей жизни. Памятники права, современные кодексы, законодательная политика государств, юридическая наука свидетельствуют о высокой степени по-

нимания природы и значения права для жизнедеятельности людей. Вместе с тем любая социальная нормативная система (религия, обычай, мораль, право) связана с инстинктами и коллективным бессознательным много теснее, чем часто принято думать. Животная природа людей заставляет их вести себя примерно так же, как популяция пчел, муравьев, волков или слонов. Нормативные системы всех этих коллективов имеют одну фундаментальную причину: выживание рода и обеспечение его воспроизводства. Инстинкт самосохранения заставляет создавать нормы, подчиняющие индивидов единой дисциплине, единому ритму жизни. Человеческие регуляторы намного сложнее, чем в животном мире, поскольку вырастают также и на почве осмысленной, целеполагающей деятельности. Но иррациональная, биологическая основа человеческого поведения и его регуляторов от этого никуда не исчезает, меняются лишь пути и формы ее влияния.

Иррациональную природу права убедительно раскрывает психоанализ. Главный руководящий принцип поведения индивидов, сделал вывод основатель психоанализа З. Фрейд, – получение удовольствия (в самом широком смысле этого слова). Неконтролируемое, не знающее преград стремление получить удовольствие делает личность деструктивной, опасной для себя самой и общества. Человеческий коллектив, понимая это, устанавливает правила общего характера, ограничивающие произвол индивидов. Так возникает культура, т.е. система запретов, изначально воспринимаемая человеком враждебно. Человек, по З. Фрейду, – всегда враг культуры, он всегда потенциальный преступник, стремящийся ради получения удовольствия нарушить закон и другие социальные нормы. И зависимость здесь обычно такая: чем сильнее инстинкты, чем выше опасность их разрушительного воздействия, тем более репрессивным становится право.

Когда в современной послевоенной Германии мы наблюдаем целенаправленное ужесточение антинацистского законодательства, то можно сделать вывод о благополучном положении дел: немцы, осознавая опасность фашизма, на законодательном уровне стараются блокировать любые его проявления. В этом выражаются их глубокое осознание проблемы и высокий уровень ответственности. Однако психоанализ говорит и о другой, теневой, стороне дела: жесткое антинацистское законодательство вводится потому, что национализм в Германии еще очень силен. Как сказал бы о современной Германии К.Г. Юнг, коллективное бессознательное, древнегерманский бог Вотан

все еще продолжают будить воинственные инстинкты немцев. Действие этого “подсознательного” чувствуется, оно никуда не уходит, искоренить его нельзя, а вот бороться с ним необходимо. В этом смысле антинацистское законодательство – прямое следствие иррациональных сил.

Примеры такого рода можно продолжать бесконечно.

Линейность и цикличность

Воззрения на характер направленности истории распределяются на две крайние противоположные позиции – линейность и цикличность, между которыми бесконечный ряд смешанных вариаций. Полярность точек зрения здесь – не случайность, они вырастают из антиномий фактов самой истории. Вместе с тем историки, философы, социологи, пытаясь установить главный вектор человеческого развития, вынуждены искать собственные критерии и создавать свою систему ценностных координат, что неизбежно вносит в их концепции значительную долю субъективизма.

Напомним, что линейный процесс предполагает направленность, необратимость, сопровождается процессом роста, т.е. расширением, распространением, усложнением и дифференциацией явления. Процесс роста раскрывает внутренние потенциальные возможности, присущие изучаемому объекту с самого начала (т.е. обнаруживает свойства, закодированные в эмбрионе), продолжается непрерывно и не может быть остановлен, развивается постепенно, кумулятивно, проходит различные стадии, или фазы (юность, зрелость, старость). Линейные процессы бывают однолинейными (процесс придерживается одной траектории) и мультилинейными (процессы идут по нескольким альтернативным траекториям). Однолинейные процессы могут быть восходящими (прогрессивными) и нисходящими (регрессивными). Разновидность направленных, необратимых процессов – нелинейные процессы, характерные качественными скачками и существенными отклонениями от магистрального вектора социального развития.

Социальный цикл не имеет определенной направленности, хотя и не является случайным. Любое состояние, в котором пребывает система, может повториться в будущем, так как повторение заложено в самой системе. Изменения происходят на коротком интервале времени, но на длительном – нет, поскольку система возвращается в исходное состояние. Циклические процессы делятся на процессы замкнутого цикла и открытого цикла (спиралевидные). Процессы замкнутого

цикла могут быть регулярными (равные фазы), ускоряющимися (все более укорачивающиеся фазы) и замедляющимися (все более удлиняющиеся фазы). Среди процессов открытого цикла выделяют восходящие (прогрессивные) и нисходящие (регрессивные)⁹.

Тема направленности истории – пограничная, существует на поле между философией истории и социологией. Если философия, постигая направленность истории, опирается по преимуществу на телеологию и смысл, то для социологии характерен формализованный структурно-функциональный анализ. В середине XIX в. позитивистская социология в форме эволюционизма попыталась разработать свою методологию, сводя процесс познания истории в основном к формальной обработке эмпирического материала. Однако уже к концу XIX в. классический эволюционизм обнаруживает свою ограниченность, и многие социологи обращаются к различным популярным философским школам: марксизму, неокантианству, философии жизни и др. В XX в. связь между социологией и философией только усиливается. Иными словами, при всей своей устремленности к строгой научности социология так и не смогла полностью отказаться от философских (часто приобретающих метафизическое содержание) категорий цели и смысла.

Циклическое восприятие истории – наиболее раннее по времени возникновения. Идея социальных циклов присутствовала уже в мифологии многих культур Древнего мира (Индия, Китай, Египет), но на теоретическом и философском уровнях ее начинают обсуждать в древнегреческой философии (Гераклит, Платон, Аристотель, стоики, Полибий). Особенность циклического мировоззрения древних греков состояла в том, что оно в основном опиралось на ритмы природных явлений. Проведя довольно грубую аналогию между ритмами природы и общества, греческие авторы пришли, в частности, к выводу о круговороте форм государства. Конечно, насыщенность и калейдоскопическая быстрота политической жизни эллинов также повлияли на становление их циклического восприятия, но все-таки главный фактор – механический перенос ритмов природы на социальные явления.

Благодаря христианству мировоззрение европейских народов меняется с циклического на линейное, что сказалось и на общественном сознании. Начиная с первых христианских авторов, человеческая история, как правило, воспринимается как

неуклонное, необратимое движение вперед – сначала в форме провиденциализма, позднее, в эпоху Просвещения, – в виде теории прогресса. В начале XIX в. реакция на европейские революции меняет интеллектуальную ситуацию: поднимается волна консерватизма и пессимизма, что сформировало благоприятную среду для возврата к циклической модели мира. Культурно-исторические типы у Н.Я. Данилевского, локальные культуры у О. Шпенглера, замкнутые цивилизации у А.Дж. Тойнби – все эти концепции во многом продиктованы скептическим отношением к возможностям европейской культуры, ориентацией авторов на консерватизм, антилиберализм и национализм. Они поставили под вопрос универсальность европейских ценностей, предложили отказаться от европоцентризма.

В XX в. теория циклов широко используется в различных отраслях знания: в экономической теории (циклы Н.Д. Кондратьева), социокосмизме (космические циклы А.Л. Чижевского), политической социологии (циркуляция элит В. Парето), исторической социологии (чередование суперсистем П.А. Сорокина) и т.д. При всей оригинальности этих концепций бросаются в глаза их умозрительный характер и тенденциозный подбор фактов. В основе таких конструкций часто лежат умозрительные фикции, субъективные аксиомы, под которые подбирается нужный эмпирический материал. Так, несмотря на всю свою грандиозность и обилие фактов, социолого-историческая концепция П.А. Сорокина выглядит ходульной, малоубедительной, поверхностной. События мировой культуры здесь слабо связаны с идеей чередования культурных типов, а сама она подчинена идеологической задаче: доказать упадок современной западной культуры.

Не меньше теоретических и методологических проблем у линейного (нелинейного) понимания истории. Линейная концепция не может объяснить существования в условиях современности первобытных человеческих коллективов, культура которых застыла на уровне каменного века. Процесс роста здесь напрочь отсутствует. Противоречат линейной концепции постоянные откаты назад, наблюдаемые в истории народов. В XX в. в Европе, этой колыбели гуманизма, поставили на поток массовое уничтожение людей. Тоталитарные режимы продемонстрировали очевидный регресс сознания и политических отношений, стремление, казалось бы, современных, цивилизованных народов вернуться в средневековье, реанимировав первичные инстинкты и сняв запреты христианской культуры. Сейчас, в начале

⁹ См.: Штомпка П. Указ соч. С. 25, 136.

XXI в., активизация религиозной жизни (ислам, русское православие) во многих регионах мира идет под общим лозунгом возврата в прошлое, к первоначальным национально-культурным и религиозным истокам. Создается впечатление, что огромные массы людей устали от современности и ее проблем и хотят перемен в форме ухода в прошлое. Из этой же череды исторических откатов – идеология политкорректности, представляющая собой новый вид цензуры. Запрет публично называть вещи своими именами в области политических, национальных, религиозных, половых отношений есть не что иное, как погружение в первобытность, превращение в неразвитых, одолеваемых страхами дикарей, свобода которых была ограничена бесчисленными “табу”. Замена свободы дискуссий официальными, санкционированными обществом и властью клише является типичным “бегством от свободы” (Э. Фромм). Политкорректность – это стремление (частью осознанное, частью нет) спрятаться от проблем, вместо того чтобы их открыто и честно обсуждать, а затем решать.

Таким образом, линейная и цикличная концепции есть некая условность, которая одновременно и отвергается, и подтверждается фактами истории. Очевидно, что эволюция государства и права – линейный процесс, содержащий развитие, усложнение, повышение мощи и эффективности данных институтов. Между государством и правом Древнего мира и современностью – дистанция огромного размера. Сила власти египетского фараона или римского императора многократно уступает возможностям президента США или премьер-министра Англии. Аппарат современного государства способен держать в повиновении десятки и сотни миллионов людей, контролируя каждый шаг любого из них. Военная мощь ядерной державы в состоянии уничтожить все живое на Земле, а не только страну-противника. Массив источников права современного государства, их тончайшая дифференциация, эффективность правового регулирования не идут ни в какое сравнение с правовыми системами прошлого.

Вместе с тем мировая история демонстрирует бесконечный цикл рождения, созревания, расцвета, деградации и краха национальных государств и их права. Возникавшие когда-либо государства до сих пор имели только один главный вектор своего развития – по направлению к деградации и краху. Кто-то может возразить, что современные государства Запада (наиболее сильные в настоящее время), родившиеся еще в эпоху средневековья, не подают признаков скорой гибели, а напротив,

усиливают свою мощь. На это можно ответить, что, во-первых, у каждого народа и государства есть свой цикл (более или менее длинный), а во-вторых, смена этнического состава населения (что сейчас происходит в странах Европы и США) будет означать гибель данного конкретного государства.

Дилемму линейности и цикличности следует решать с использованием идей, предложенных Баденской школой неокантианства. История каждого национального государства и права уникальна и в этом смысле поступательна, необратима, линейна. Во всемирной истории государства и права можно обнаружить циклические зависимости, которые никак не могут претендовать на универсальность и абсолютность. В данном случае цикличность нужно рассматривать как частный случай линейности. Здесь важно понимать, что оппозиция “линейность – цикличность” имеет значение лишь на отрезке обозримого нами прошлого и будущего, с позиции вечности данная оппозиция полностью теряет свою актуальность. Если предположить, что человечество (а с ним государство и право) рано или поздно погибнет (в результате ядерной войны, глобальной техногенной катастрофы или медленного вымирания по мере затухания Солнца), то вся эта схема линейного развития с ее идеей прогресса, совершенствования, роста и дифференциации полностью ломается. В этом случае история человечества, государства и права предстает как элемент мирового хаоса (или мирового разума), познать который нам не дано. Подчеркнем, что именно конечный пункт развития человечества (а он, конечно же, будет) может дать исчерпывающий ответ на вопрос о направлении движения истории человечества, государства и права.

Предпринятый здесь переход из социологии права в философию истории необходим для того, чтобы лучше почувствовать всю относительность нашего знания о направлении развития государства и права. По большому счету магистральный путь развития человечества, государства и права нам неизвестен. Тенденция видна: усиление государства и повышение роли права, все большее подчинение подвластного населения. Но конечный пункт этого движения – непознаваемая “вещь в себе”.

Прогресс и регресс

Категории прогресса и регресса – базовые для социологии. Последняя возникла как наука, претендующая на отыскание закономерностей общественного развития, что открывало перспективы

социального прогнозирования. Отрицая возможность познать суть вещи, социолог-позитивист делал упор на описание ее эмпирических качеств, в том числе динамических. Ученый должен был установить направленность развития социального объекта: развивается ли он по восходящей или нисходящей линии, по пути угасания своих возможностей или, напротив, – наращивания. Для этих целей социологической наукой была востребована и адаптирована теория прогресса, сложившаяся в атмосфере европейского Просвещения XVII–XVIII вв. Для социологов-позитивистов первого поколения (А. Сен-Симон, О. Конт, Г. Спенсер, М. Вебер, Э. Дюркгейм), находившихся под сильным влиянием просветительской идеологии, идея прогрессивного развития общества была почти аксиомой. В конце XIX – начале XX вв., когда теория эволюционизма начинает испытывать кризис, появляются первые сомнения в ее истинности. XX век, давший примеры одичания нравов и страшных преступлений против человечества, породил громадную волну социального пессимизма. Идея социального прогресса из аксиомы превратилась в проблему, требующую своего обсуждения.

Проблему эту правильно, точно и ясно поставили и во многом решили неокантианцы Баденской школы. Согласно Г. Риккертту прогресс и регресс – ценностные категории, относящиеся к миру культуры и означающие процесс возрастания или уменьшения ценности. Прогресс – это возникновение чего-то нового, индивидуального, ранее еще не бывалого. Не может быть никакого “закона прогресса”, так как закон и ценности исключают друг друга: прибавление нового – уникальное явление, закон повторяется бесконечное количество раз. Принцип прогресса не выводится из законов эволюции природы. Так, в частности, естественный отбор, открытый Ч. Дарвином, никак не соотносится с идеей прогресса, он лишь говорит о победе более жизнеспособных видов¹⁰.

Вполне уверенно можно утверждать, что категории прогресса и регресса по большей части субъективны и относительны, зависят от ценностных предпочтений общества или отдельных социальных групп, от ценностных стереотипов исторической эпохи и культуры народов. В этом смысле социология (социология права) с необходимостью включает в себя ценностный компонент, а значит, перестает быть строгой наукой. Социолог, пытающийся оценить социальный объект с точки зрения его прогрессивного или

регрессивного развития, рассматривает его с позиции смысла истории, ее задач и целей, т.е. уходит в область философии истории, изобилующей взаимоисключающими подходами.

Вместе с тем если рассматривать общество и его институты предельно абстрактно, как системно-структурные объекты, то критерии прогресса уже не кажутся такими относительными. Так, любая система живой и неживой природы, человеческого общества может быть измерена с точки зрения повышения или понижения ее устойчивости, приспособляемости, жизнеспособности, эффективности, что выглядит в достаточной мере объективно. Кроме того, как верно заметил П. Штомпка, известную универсальность критериям прогресса придает универсальность интересов большинства людей (увеличение продолжительности жизни, сокращение смертности грудных детей, успешная борьба с болезнями, технические средства связи и т.п.). В конечном счете универсальные критерии здесь отталкиваются от признания ценности жизни и ее форм. Частные интересы (групповые, национальные, классовые), напротив, ведут к релятивизму критериев прогресса¹¹.

Так или иначе, объективность критериев прогресса ставится под сомнение всякий раз, когда они прилагаются к практической жизни.

Релятивизм теории прогресса наглядно проявляется в противостоянии (противоборстве) культур и цивилизаций. Во второй половине XIX – первой трети XX вв. был поставлен вопрос о цивилизационных различиях народов и их политико-правовых систем (Н.Я. Данилевский, О. Шпенглер, А.Дж. Тойнби, евразийцы, И.Л. Солоневич). Было отмечено, что наличие некоей общечеловеческой культуры, одинаковой для всех народов, – вредная выдумка рационалистической мысли, что универсальный прогресс человечества – умозрительная фикция. Национальные культуры замкнуты и самодостаточны. Культурные ценности есть не объективные, а субъективные категории: каждая национальная культура вырабатывает свои собственные критерии совершенства. Национальные культуры существуют не иерархично и во взаимосвязи, а горизонтально и автономно. Западноевропейская культура – лишь одна из мировых культур, которая во всех своих частях (кроме науки и техники) клонится к упадку и не может выступать в роли образца¹².

¹¹ См.: Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. М., 2008. С. 461.

¹² См., например: Трубецкой Н.С. Исход к Востоку // Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992. С. 323–328.

¹⁰ См.: Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М., 1998. С. 177, 178.

Как бы ни относиться к данным утверждениям, но очевиден факт, что современное противостояние христианских стран Запада и мусульманских стран Востока ломает всякое представление об объективных критериях прогресса. Европейское понимание прогресса государства и права (во всяком случае на уровне официальной идеологии) состоит, видимо, в том, чтобы идти по пути совершенствования механизма защиты прав человека (формальных и материальных), создания благоприятных условий для реализации его творческих способностей, гуманизации наказания и т.п. За последние пять столетий развитие государства и права на Западе определялось, по сути, одним главным фактором – индивидуализмом, пронизывающим культуру и сознание европейцев. Прогресс государства и права оценивался западноевропейскими народами таким важнейшим критерием, как способность расширить и гарантировать сферу личной свободы. Своеобразным финалом такой динамики стали в числе прочего легализация проституции, порнографии, легких наркотиков и признание гомосексуальных браков, что многими народами мира воспринимается как деградация, как окончательное и полное разложение.

В современных мусульманских странах прогресс видится в том, чтобы государство и право максимально приблизить к требованиям ислама, шариата, традиционной культуры. Здесь преобладают настроения антииндивидуализма и традиционализма, стремление сохранить свои обычаи и вековой уклад. Исламский мир, во многом охваченный антизападничеством и антиамериканизмом, зачастую рассматривает европейские политические ценности как разрушительные для своих национальных культур. Отсюда желание вернуться к своим истокам, воссоздать и сохранить свою идентичность. На Западе такая устремленность расценивается как глубокий регресс после многих лет колониальной политики, которая, по мнению западной политической элиты, должна была бы привить исламским народам “цивилизованные формы жизни”.

Если признать равноценность исламской и западной культур, то следует признать и равноценность различных, во многом взаимоисключающих идей, принципов и ценностей, положенных в основу их политико-правовых систем. В этом случае ни о какой единой шкале прогресса речи идти, конечно, не может.

Относительность категорий прогресса и регресса можно наблюдать и в условиях гомогенной политической культуры, например, западной демократии. Современный Запад вот уже ни один

десяток лет гордо заявляет, что там построено современное правовое государство, защищающее права и свободы человека, в целом – гуманистические ценности. С данным утверждением трудно спорить, практическая жизнь многократно это доказала. Вместе с тем уже в конце XIX в. философия, психология, социология, искусство очень чутко уловили тайные настроения среднего европейца, который, попав в жернова современного демократического государства, утратил значительную долю своей былой свободы. Западные демократии во многом реализовали тезис Ж.-Ж. Руссо: быть свободным – это значит быть равным другому. Свобода, сведенная к равенству, утрачивала свой первоначальный смысл и превращалась в свою противоположность. При феодализме дворянство (особенно высший аристократический слой), обладая сословными привилегиями, могло практически в полной мере реализовывать свой индивидуализм. Адекватное представление о свободе возникает в среде именно европейской аристократии (Великая хартия вольностей, сочинения Ш.Л. Монтескьё). В условиях общества массовой культуры, предъявившей в лице демократического государства единые стандарты поведения всем без исключения, поле свободы значительно сузилось.

Европейскому индивидуализму трудно было смириться с данным положением дел, что привело к появлению социальной шизофрении, “подпольного человека”. Принимая на официальном уровне все ограничения и запреты демократии, внешне становясь “одномерным человеком” (Г. Маркузе), “человеком без свойств” (Р. Музиль), в своих тайных помыслах, в своем подсознании западный европеец накапливает агрессию против такого порядка. По верному замечанию З. Фрейда, он делается “врагом культуры”, при этом не стремясь ее разрушать своими активными действиями. Отказ от прямого столкновения с властью переводит энергию ненависти в бессознательные невротические реакции, в различные формы психических расстройств. Не случайно в США и Западной Европе так развит прикладной психоанализ, а систематически наблюдаться у психиатра считается нормой.

Таким образом, прогресс правового демократического государства на Западе оборачивается сужением поля личной свободы, стремление к равенству разрушает индивидуальность. Современная западная демократия строится на подавлении творческой индивидуальности, ее основа – человек-автомат, дисциплинированный робот без эмоций, боящийся показать свои естественные

реакции на факты социальной жизни (а вдруг это будет негативно воспринято общественным мнением?). На данной почве вырастает и идеология политкорректности – закономерное следствие либеральной демократии, где меньшинство не просто требует защиты своих прав, но навязывает свою волю большинству. Это оказывается возможным вследствие приобретенной привычки автоматического подчинения и деформации чувства свободы. Ж.-Ж. Руссо справедливо называл такой порядок вещей политической деградацией: люди, отказывающиеся от непосредственного управления общественными делами и доверяющие это представительным органам, не могут называться гражданами¹³. Подавление в себе человеческой природы, отказ от свободы и собственного “Я”, лицемерие, выдаваемое за высокую нравственность, патология психики – такова плата за прогресс западной демократии.

Всемирная история доказывает, что государство за последние несколько тысяч лет развивается в совершенно определенном направлении: оно становится все более сильным, могучим, эффективным в использовании своих властных полномочий. Государственный аппарат, разрастаясь количественно и усложняя свою структуру, оказывается способным в гораздо большей степени, чем раньше, обеспечивать суверенитет и держать в повиновении десятки и сотни миллионов людей. Право также становится все более сложным, дифференцированным, массив источников увеличивается в геометрической прогрессии, его роль в жизни общества неизменно возрастает, что, конечно же, говорит не столько о повышении уважения к праву, сколько об усилении государства. Светское право на Западе или шариат на Востоке служат в конечном счете одному – обеспечить верховенство современного “Левиафана”, заставить подвластное население быть законопослушным. Все остальные цели – побочные.

С абстрактной, структурно-функциональной точки зрения мы наблюдаем здесь очевидный прогресс. Государство и право как системы, предназначенные при помощи силового, властного механизма организовывать жизнь в обществе, проявили и продолжают проявлять свою жизнеспособность, высокие адаптивные качества и нарастающую эффективность.

Однако если выйти за рамки абстрактной схемы и обратиться к самой жизни, к конкретным ее проявлениям, то демонстрируемый прогресс начинает вызывать сомнения. У Канта и Гегеля

есть мысль, что появление государства и права знаменует собой “нравственный скачок” в развитии у людей собственно человеческих качеств. Государство и право возникают как реализация потенциально заложенных в сознании людей их высоких моральных свойств. Государство и право – торжество разума и высших этических запросов личности, это результат движения общества по направлению к свободе. Государство и право есть следствие реализованной свободы, изначально присущей человеку как моральному существу. Прогрессивное развитие государства и права напрямую связывается с прогрессом человеческого духа.

Данные рассуждения, будучи с виду красивыми и респектабельными, вполне могут быть квалифицированы как верх лицемерия и цинизма (например, со стороны анархистов). Государство, утверждает П.Ж. Прудон, порождено отнюдь не разумной природой человека, а невежеством и суевериями, слепой верой в авторитет. Власть человека над человеком находится в обратном отношении к уровню умственного развития, достигнутого обществом. Человек создает государство не в силу своих высоких моральных качеств, а из страха за свою жизнь и имущество, оно рождается из самых темных, животных свойств человеческой природы. М.А. Бакунин сделал вывод о преступной природе государства: оно вырастает из преступления и призвано совершать преступления. Насилие и война, исходящие от государства, разрушают личность, ведут к попранию принципов человечности¹⁴. Позицию анархистов подкрепляет и психоанализ. С точки зрения З. Фрейда, глубинная психологическая структура современных цивилизованных обществ осталась неизменной со времен первобытной орды (семьи), что особенно ярко проявляется в экстремальных ситуациях (война, массовые беспорядки). Человеческие сообщества, согласно его логике, скрепляются исключительно за счет регрессии (полной или частичной) к первобытному состоянию, а сами властные отношения есть не что иное, как бесконечное воспроизведение иерархических взаимоотношений отца и сыновей доисторической орды. Личность, подчиняясь власти в лице ее руководителей, бессознательно стремится к отождествлению себя с властью, растворению в ней.

Основная идея, высказанная выше, сводится к тому, что государственная власть (как любая другая власть) основывается не столько на разуме,

¹³ См.: Руссо Ж.-Ж. Тракаты. М., 1969. С. 221, 223.

¹⁴ См.: Бакунин М.А. Философия. Социология. Политика. М., 1989. С. 92–96.

сколько на низменных первобытных инстинктах и влечениях. Человек всегда был и навсегда останется стадным существом, тотальная зависимость индивида от коллектива – фундаментальное, неизменное свойство жизни людей. Власть – одно из проявлений такой зависимости. Возникнув в доисторические времена, стадные стереотипы перекочевали в XXI век, почти не изменившись. Государственная власть чувствует себя тем более уверенно, чем устойчивее и прочнее оказываются первобытные стереотипы современных обществ. Совершенствование государственного аппарата, повышение его эффективности опираются на эксплуатацию древних инстинктов. Первобытная агрессия, склонность к насилию, чувство мести, зависть, страх, стремление к господству – все эти не изживаемые человеческие качества современное государство ставит себе на службу и эксплуатирует с нарастающей прогрессией. По-

скольку фундамент современного полноценного государства – силовые органы (армия, полиция, спецслужбы), насилие и другие архаические компоненты человеческой психики оказываются все более востребованными. Прогресс государства как силового института обеспечивается за счет духовного регресса, за счет реанимации и эксплуатации первобытных инстинктов. Всякий так называемый прогресс в духовной сфере (мораль, религия), проявляющий себя, например, в пацифизме, отказе от насилия и т.п., неизбежно влечет за собой разложение и гибель государства. И напротив, плотная, густая энергетика нации, в которой чувствуется дикая первобытность, ведет к образованию мощных государств и империй. Прогресс государства и права оборачивается намеренно провоцируемым и постоянно возобновляемым регрессом в области человеческого духа.